

Амбиции и сомнения на оси Москва – Пекин

Ежегодный саммит БРИКС, 16-й с момента основания группы, прошёл в октябре в Казани. Впервые помимо изначальных членов (Бразилия, Россия, Индия, Китай, ЮАР) на встрече присутствовали новые участники: Египет, Эфиопия, Объединённые Арабские Эмираты и Иран. С учётом приглашённых, согласно данным организации, участие приняли представители 35 стран.

Не-Запад в Казани

Политически наиболее значимым моментом саммита, безусловно, стало то, что он прошёл в России. Это дало президенту Владимиру Путину возможность заявить, что, несмотря на войну и санкции, Москва не находится в изоляции. Этот факт отметили и международные СМИ, подчас с сожалением.

По сути, “Казанская декларация”, как её интерпретируют Андрей Кортунов из Российского совета по международным делам (РСМД) и Чжао Хуашэн, профессор Института международных исследований при Фуданьском университете, подтверждает, что БРИКС *«движется на двух ногах»* (“Гуаньча”, 27 октября). С одной стороны, она требует реформ существующих международных институтов, таких как МВФ и ВТО, с другой – работает над созданием *новых механизмов*, которые, однако, должны не *«заменить существующий международный многосторонний механизм»*, а скорее адаптировать его под нужды развивающихся стран, например, в вопросах роли доллара и других национальных валют. Как отмечают многие комментаторы, речь идёт о странах, не относящихся к Западу, но и не являющихся обязательно антизападными.

Несомненно, что Россия и Китай, по крайней мере на данный момент, являются главными державами группы. На встрече в кулуарах саммита Путин подтвердил, что отношения между ними являются *«образцом того, как в современном мире должны строиться отношения между государствами»*, *«сотрудничество носит равноправный, взаимовыгодный»* характер. Китайский лидер Си Цзиньпин в ответ подчеркнул, что *«обе страны привержены духу вечного добрососедства и дружбы»*, который незыблем *«в условиях невиданной за столетия тектонической трансформации»* (сайт Президента России, 22.10.2024).

Тем не менее в размышлениях как российских, так и китайских аналитиков возникают некоторые сомнения по поводу этой *вечной дружбы*. Они напоминают как об исторических корнях взаимных отношений, так и о различиях в современности, а также опасениях относительно будущего.

Прошлое и настоящее в российско-китайских отношениях

Прошлому посвящена статья Ивана Зуенко из МГИМО, Московского государственного института международных отношений МИД Российской Федерации. Он пишет в англоязычной версии журнала “Россия в глобальной политике” (№ 4, октябрь/декабрь 2024), что Москва и Пекин часто по-разному оценивают события прошлого: он перечисляет около пятнадцати подобных эпизодов, начиная с XV века и заканчивая военными столкновениями 1969 года. В России до сих пор довлеют опасения перед *«жёлтой угрозой»*, *«страх перед культурной и экономической экспансией Китая»*, в то время как в Поднебесной всё ещё живёт память о *«вреде, причинённом китайским интересам империалистической и колониальной политикой России в XIX и XX веках»*.

Даже в атмосфере *вечной дружбы* витают отголоски *«века унижений»*, который Китай отсчитывает от начала опиумной войны 1842 года и до окончания японской оккупации в 1945 году. В основе *«китайской мечты»* лежит идея реванша, и, вероятно, именно *«реваншизм становится основой идеологической и патриотической работы»*. Это *«может иметь далеко идущие последствия»*, поскольку *«общественное мнение уже потенциально готово к пересмотру отношений с Россией»*.

Впрочем, и настоящее заставляет Москву и Пекин расходиться по ряду вопросов. Об этом пишет Чжао Хуашэн в своей статье для РСМД (16 октября). Он выделяет три центральных темы российско-китайского сотрудничества: многополярность, глобализация и новый мировой порядок. По первому вопросу нет явных различий – здесь обе стороны демонстрируют согласие. Уже по глобализации позиции расходятся. Китай быстро

интегрировался в глобализованный мир и извлёк *«огромные выгоды»* для своего быстрого экономического развития, а сегодня уже и для того, добавим мы, чтобы бросить вызов старым державам. Россия же, по словам Чжао, рассматривает глобализацию скорее с политической точки зрения как доминирование западного мира и намерена от этого освободиться. В остальном экономическая интеграция России *«не так глубока»*, а *«её положение в международной промышленной цепи довольно незначительно»*.

Наибольшие расхождения вызывает, однако, центральный вопрос о мировом порядке: Москва в этом отношении демонстрирует *«революционный»*, как его называют, подход, и намерена разрушить существующий порядок и построить новый; Пекин же *«под влиянием традиционной для Китая культуры умеренности»* более осторожен, *«предпочитая постепенность и совершенствование, чтобы сделать мировой порядок более справедливым и честным»*. Россия, по мнению Чжао, ставит в центр идею *«цивилизации»*, на базе которой можно построить новый многополярный порядок; Китай же *«смотрит на будущий мировой порядок как на целостную конструкцию для всех, стремясь к построению холистического мирового порядка»*, *«сообщества единой судьбы для всего человечества»*. Это инклюзивная модель, уточняет Чжао, которая *«также включает и Запад, поскольку в противном случае её нельзя считать инклюзивной»*. Это *«идеалистичное желание»*, заключает он, но это не означает, что *«не нужно стараться двигаться в этом направлении»*.

Сомнения по поводу “вечной дружбы”

Взгляд на будущее среди российских аналитиков не обходится без беспокойства. Одним из таких голосов является доклад, опубликованный на сайте журнала “Россия в глобальной политике” в июне 2023 года на основе ряда исследований, конференций и аналитических сессий, проведённых факультетом мировой экономики и международных отношений Высшей школы экономики (ВШЭ). Доклад интересен в том числе тем, что его источник сложно упрекнуть в “нелояльности”. Руководителем проекта является Сергей Караганов, почётный президент Совета по внешней и оборонной политике (СВОП), известный своими радикальными взглядами в контексте войны с Западом. Директором программы является также член СВОП и не меньший антизападник Александр Крамаренко. В команде авторов также присутствует Дмитрий Тренин, бывший директор Московского центра Карнеги, ныне закрытого властями.

Тема проекта: “Политика России в отношении Мирового большинства”. Авторы исходят из тезиса, который в последние годы получил широкое распространение в Москве: *«Нормализация даже в среднесрочной перспективе отношений с большей частью Запада не только невозможна, но и невыгодна, так как будет отвлекать от задачи перестройки российской экономики и общества»*, процессов, необходимых в подготовке *«для существования в остроконфликтном и нестабильном мире ближайших полутора-двух десятилетий»*. В Москве явно считают, что их ждёт критический двадцатилетний период, к которому нужно готовиться.

Внимание должно быть сосредоточено на *«мировом большинстве»*, при этом учитывая, что это не однородная группа, таков постоянный мотив всех соответствующих исследований: часто упоминаются споры, а порой и реальные столкновения между Китаем и Индией, Индией и Пакистаном, и не только. Москва не должна создавать впечатление, что пытается вовлечь это *«мировое большинство»* в свой конфликт с Западом.

Подчеркнув, что *«подходы РФ и КНР к проблемам изменения миропорядка совпадают не полностью»*, высказывается важное сомнение: *«В долгосрочной перспективе Китай, достигнув стратегической самодостаточности, может частично утратить интерес к отношениям с Россией»*. Поэтому для Москвы *«необходима диверсификация связей со странами Мирового большинства»* – внимание, прежде всего, Индии, – а также к нормализации *«отношений на западном фланге в той мере, в какой это будет возможно»*. Это оставляет определённые лазейки.

Ведущие и ведомые

С точки зрения многих, *«поворот»* на Восток и Юг представляется для Москвы неизбежным выбором, особенно в условиях, когда Россия прямо вовлечена в войну с Западом; однако, как мы видим, это не может скрыть, что существуют сомнения и настороженность. Важным

моментом в этом контексте является тот факт, что отношения с Китаем рассматриваются как *партнёрство*, а не как союз.

Об этом прямо заявляют два представителя Института Дальнего Востока, Константин Асмолов и Кирилл Бабаев (*“Россия в глобальной политике”*, № 3, май/июнь 2024), ссылаясь на Евгения Примакова, основного архитектора внешней политики в последние годы существования СССР и в первые десятилетия независимой России: *«одно из основных направлений российской внешней политики должно быть следующим: не заключать союза с Китаем против США и не заключать союза с США против Китая»*. Вторая гипотеза сегодня не стоит на повестке дня, хотя в Вашингтоне были и такие, кто считал её возможной. Однако, как подчёркивают авторы, союз с Китаем может поставить Россию в рискованную ситуацию, превратив её в *«младшего партнёра»* Пекина или хуже того. Согласно монографии Института Китая и современной Азии, *«в случае создания военно-политического союза, у Китая и России неизбежно возникнет проблема “ведущего и ведомого”, что может обострить существующие разногласия»*. Именно поэтому Москва и Пекин говорят о *«стратегическом партнёрстве»*, а не о союзе.

С долей иронии Картунов отмечает, что Китай добился успеха, следуя собственным путём, а не благодаря импорту модели развития из США (*CGTN*, 22 сентября). Из этого можно сделать вывод: *«Ни одной другой стране не следует»* думать, что она сможет расти, подражая... Китаю.

ОТ ПЕТРА К ВЛАДИМИРУ

Андрей Картунов, научный директор РСМД, иногда проводит исторические параллели, в которых нетрудно заметить педагогический подтекст. Его последняя работа называется: *“Почему Пётр I не хотел делить Польшу”* (РСМД, 11 октября). Другими словами: говорить о Петре, чтобы Владимир (Путин) понял.

Среди всех западных соседей России в конце XVII – начале XVIII века Речь Посполитая была самой слабой: Пётр I мог бы поделить её со шведами и немцами, но не сделал этого. Почему? По мнению Картунова, Пётр избежал этого, потому что эти действия *«вызвали бы негативную реакцию»* со стороны ведущих европейских держав, таких как Франция и Великобритания.

Стратегия Петра, которого Картунов называет *«действительно великим государственным деятелем»*, была направлена на превращение России в морскую и торговую державу, а не на территориальную экспансию. Это была основная цель всех его сражений: на юге, против турок, им двигало намерение получить доступ к Чёрному морю, а *«не стремление вернуть “исконно русские” земли»*; на севере – против шведов, она состояла *«в сохранении за Россией только минимально возможного свободного выхода на Балтику»*; даже в Центральной Азии целью было открытие торговых путей в Южную Азию, а не завоевание новых территорий.

Раздел Польши в конце XVIII века, напротив, пройдёт с участием России при Екатерине II: несомненно, это будет отклонение от осторожной стратегии Петра, но также и вынужденная реакция на давление Пруссии и Австрии, *«настойчиво поощрявших реваншистские устремления Варшавы»*.

Фактом остаётся то, что фрагментация Польши вызвала *«быстрый рост антироссийских настроений»*, что усложнило международные отношения России и привело к усилению *«негативного восприятия России в Европе»*. Кто имеет уши – услышит...

Ноябрь 2024 г.